

I. Сибирцевъ.

Архангельскаго
Общества печатанія
изъ Русск. Слова
отъ автора.

VI/13, 1911.

92
C 34

Къ біографическимъ
свѣдѣніямъ
о М. В. Ломоносовѣ.

Архангельскъ.
Губернская Типографія.
1 9 1 1.

І. Сибирцевъ.

Къ біографическимъ
свѣдѣніямъ
о М. В. Ломоносовѣ.

АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.
И Д И И.

Къ біографическимъ свѣдѣніямъ о М. В. Ломоносовѣ.

(Его жизнь на родинѣ).

„До насъ дошли о Ломоносовѣ скудныя и ничтожныя извѣстія“, говоритъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ изслѣдователей о жизни знаменитаго уроженца нашего Сѣвера, академикъ В. И. Ламанскій ¹⁾. Эти слова особенно должно сказать о первоначальномъ періодѣ жизни Ломоносова—на родинѣ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство, отрочество и юность до 19-лѣтняго возраста включительно. Здѣсь мы имѣемъ не только скудныя, но и неточныя и разнорѣчивыя свѣдѣнія. Неизвѣстна, напр., документальная и точная дата его рожденія, и указанія біографовъ разнятся между собою на шесть лѣтъ: по первоначально собраннымъ свѣдѣніямъ, „...Ломоносовъ родился въ 1709 г.“ ²⁾; позднѣйшіе изслѣдователи относятъ эту дату къ 1710 ³⁾, къ 1712 ⁴⁾ и даже къ 1715 году ⁵⁾. По мнѣнію однихъ, „онъ лишился матери въ нѣжномъ возрастѣ“, такъ что не осталось, повидимому, „какихъ бы ни было слѣдовъ ея образа въ душѣ впечатлительнаго ребенка“ ⁶⁾; по указанію другихъ, она была жива, когда сыну ея было болѣе 12-ти лѣтъ, и подъ ея вліяніемъ онъ оставилъ расколъ, которымъ въ это время увлекся ⁷⁾. По словамъ однихъ, обученіе Ломоносова грамотѣ началось, когда онъ былъ уже „взрослымъ“ ⁸⁾, „лѣтъ 18“ ⁹⁾, даже—„близъ 20“ ¹⁰⁾, а по свѣдѣніямъ мѣстнаго біографа—о. А. Грандилевскаго—Ломоносовъ „уже *шести* лѣтъ навѣкъ читать и кое-какъ писать“ ¹¹⁾...

Почти всѣ изслѣдователи въ описаніи первоначальнаго періода жизни М. В. Ломоносова пользуются главнымъ образомъ немногими и отчасти не совсемъ точными и вѣрными свѣдѣніями, собранными въ 1788 г. и помѣщенными въ запискахъ о путешествіи академика И. И. Лепехина, изданныхъ въ 1805 г. Автобіографическихъ указаній и воспоминаній, относящихся къ упомянутому періоду, въ сочиненіяхъ и письмахъ Ломоносова также весьма мало, и они не отличаются опредѣленностью. О. А. Грандилевскій, излагая въ концѣ своей обширной статьи „Родина Ломоносова“ нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣтствѣ и отрочествѣ гениальнаго Куростровскаго уроженца, руководится главнымъ образомъ „мѣстными преданіями“ и „разказами старожиловъ“, но говоритъ объ этихъ источникахъ, что въ нихъ „вездѣ сквозитъ неточность, произволь, отсутствіе серьезныхъ доводовъ“ ¹²⁾... Таково положеніе свѣдѣній о

¹⁾ „М. В. Ломоносовъ“, біогр. очеркъ, СПб. 1864 г., стр. 14

²⁾ „Путешествія И. Лепехина“, СПб., 1805 г., стр. 299.

³⁾ Ламанскій, *op. cit.*, стр. 27; Труд. Арх. Ст. Ком. 1866 г. стр. II.

⁴⁾ Сосницкій, А., „М. В. Л.—въ“, біогр. оч. 1898, стр. 3; Полевой, „Ист. русск. слов.“ СПб. 1910 г., стр. 502; Избр. соч. Л.—ва, изд. Павленкова, стр. 1.

⁵⁾ Пекарскій, „Истор. Акад. Наукъ“. 1879 г. т. 11, стр. 267.

⁶⁾ Сосницкій. *op. cit.*, стр. 2; Львовичъ-Кострица, „М. В. Л.—въ“, 1893 г., стр. 8.

⁷⁾ Ламанскій, *op. cit.*, стр. 28; Тр. Арх. Ст. Ком. 1866 г., стр. II.

⁸⁾ Лепехинъ, *op. cit.*, стр. 300; Ламанскій- *ibid.*

⁹⁾ Полевой, *op. cit.*, стр. 502.

¹⁰⁾ Лепехинъ, *ibid.*

¹¹⁾ „Изв. Арх. Общ. изуч. Русск. Сѣв.“ 1910 г., № 13, стр. 44.

¹²⁾ *Ibid.*, № 10, стр. 35, примѣч.

первоначальномъ періодѣ жизни М. В. Ломоносова на его родинѣ, тѣмъ болѣе для насъ, сѣверянь, интересномъ, что въ этомъ именно періодѣ обрисовались въ немъ тѣ черты его характера, которыми руководился онъ въ теченіе всей послѣдующей своей дѣятельности. И, что особенно печально, нѣтъ кажется, надежды, чтобы эти свѣдѣнія явились въ болѣе полномъ и правдивомъ видѣ и представили живую и цѣльную картину обстоятельствъ жизни, радостей и печалей, думъ и стремленій возраставшаго Ломоносова.

Вышеуказанныя, а также и другія разнорѣчія въ свѣдѣніяхъ о первоначальномъ періодѣ жизни М. В. Ломоносова на родинѣ и—съ другой стороны—возможность внести нѣкоторыя, правда—неважныя, но быть можетъ нелишнія, дополненія и поправки побудили насъ еще разъ пересмотрѣть данныя, относящіяся къ упомянутому періоду жизни великаго нашего земляка. Большинство изслѣдователей, въ виду скудости и неточности данныхъ, мало удѣляетъ вниманія фактическому матеріалу изъ исторіи дѣтства и отрочества Ломоносова и ограничивается общими и краткими свѣдѣніями. Наиболѣе вѣрныя и сравнительно подробныя свѣдѣнія собраны въ „Исторіи Академіи Наукъ“ Пекарскаго; изъ отдѣльных же изданій—въ біографическомъ очеркѣ А. І. Львовича-Кострицы—„М. В. Ломоносовъ—его жизнь и дѣятельность“ (СПБ., 1893 г.). Что же касается очерка о. А. Н. Грандильевскаго, написаннаго на основаніи мѣстныхъ преданій и рассказовъ старожиловъ и спеціально посвященнаго „дѣтству и отрочеству“ Ломоносова, то, хотя очеркъ этотъ изложенъ живо и, пожалуй, картинно, но фактической матеріаль его во многихъ случаяхъ противорѣчитъ историческимъ даннымъ...

Во второй половинѣ XVII вѣка въ Куростровѣ существовали двѣ линіи фамиліи Ломоносовыхъ, при чемъ родъ Михаила Васильевича, происходившій отъ дѣда его Дороея, составлялъ, видимо, младшую линію этой фамиліи. Къ старшей линіи принадлежали Лука Леонтьевъ Ломоносовъ, сыновья его Ѳеодоръ и Иванъ и внукъ Никита. Лука Леонтьевъ, какъ видно изъ свѣдѣній „о родѣ Ломоносова“, собранныхъ академикомъ Лепехинымъ, родился въ 1645—1646 г. и скончался 81-лѣтнимъ старцемъ—30 марта 1727 г.,—переживъ своихъ дѣтей и внука. Въ какихъ именно родственныхъ отношеніяхъ находились Лука Леонтьевъ и его потомство къ роду Михаила Васильевича—точныхъ указаний нѣтъ¹³⁾; но на родственную ихъ связь указываетъ между прочимъ то обстоятельство, что Лука Леонтьевъ и отецъ Михаила Васильевича—Василій Дороеевъ совмѣстно владѣли обширнымъ участкомъ сѣнокосной земли, который они совмѣстно продали въ 1714 г. за 10 рублей. Въ сохранившемся документѣ относительно этой продажи они писали: „і въ очищеніи тое продажи отъ всякихъ письменныхъ крѣпостей і отъ сродцевъ (нашихъ) і отъ стороннихъ людей мы—продавцы—своими деньгами“¹⁴⁾... Такимъ образомъ, кромѣ узъ родства они соединены были между собою нѣкоторыми юридическими обязательствами, которыя ставили ихъ въ ближайшія отношенія другъ съ другомъ.

Въ теченіе своей 80-лѣтней жизни Лука Ломоносовъ испыталъ немало перемѣнъ и обстоятельствъ личныхъ и семейныхъ и, переживъ

¹³⁾ Не былъ ли Лука Леонтьевъ старшимъ братомъ Дороея Ломоносова? Если бы это предположеніе оправдалось, то Лука приходился бы роднымъ дядей Василю и двоюроднымъ дѣдомъ Михаилу—Ломоносовымъ. Опредѣлилось бы родство и остальныхъ членовъ этой фамиліи. Тогда, быть можетъ, оказалось бы, что и родоначальникомъ фамиліи былъ Леонтій, имѣвшій почему либо прозвище „ломаный носъ“.

¹⁴⁾ Подлинный документъ—въ арханг. город. публ. музеѣ.

пять царствований, видѣлъ немало событій общественныхъ и государственныхъ. Нравственный обликъ его очерчивается почти такъ же, какъ и обликъ Василя Дороеевича: „грамотѣ былъ не ученъ“, но грамотность цѣнилъ, собою былъ „добросердеченъ и простосовѣстливъ“. По обычаю, лѣтъ около 20 вступилъ онъ въ бракъ, а въ 40 съ небольшимъ лѣтъ былъ уже дѣдомъ. Женивъ въ обычное время своего старшаго сына Ѳедора, онъ, однако, вскорѣ его лишился и долженъ былъ взять на свое попеченіе молодую вдову-невѣстку и маленькаго внука Никиту. Младшій сынъ его и внукъ Никита были обучены грамотѣ и отличались даровитостью, особенно послѣдній. Когда въ 1702 г. Лукѣ Ломоносову пришлось прибѣгнуть къ займу 20 рублей подъ закладъ „своего владѣнья... поля орамой земли“, то „закладную кабалу писалъ“ по всѣмъ правиламъ тогдашней юрисдикціи, „по велѣнію отца своего сынъ его Иванъ“, а подписалъ „вмѣсто дѣдка своего Луки Ломоносова по его велѣнію внукъ его Никита Ѳедоровъ“¹⁵⁾, которому въ это время не могло быть болѣе 13—14 лѣтъ. Въ общемъ Лука былъ изъ числа людей зажиточныхъ и степенныхъ: сохранился документъ, изъ котораго видно, что въ 1698 г. двое односельчанъ Луки, Дементій и Панкратъ Чюрносовы, занимали у него подъ закладъ „поля орамой земли“ 20 рублей; закладъ этотъ не былъ выкупленъ въ срокъ и поле поступило въ собственность кредитора¹⁶⁾. Въ 1701 году онъ, по выбору прихожанъ и по „памяти“ изъ холмогорскаго архіерейскаго казеннаго приказа состоялъ мѣстнымъ церковнымъ старостой¹⁷⁾. Въ 1705 г. мы видимъ его уже „двинскимъ земскимъ старостой“—вмѣстѣ съ односельчаниномъ Иваномъ Леонтьевымъ—при „бурмистрахъ“ Василии Жеребцовѣ и Иванѣ Звягинѣ. При исполненіи этой должности ему, однако, пришлось пострадать вслѣдствіе „своей простосовѣстливости“ и неграмотности. Въ земскихъ расходныхъ книгахъ его службы, между прочимъ, значилось, что „за подъячихъ плачено переводныхъ горожанину Ивану Ѳедорову сыну Попову 30 рублей, а расписки его Ивановой въ тѣхъ деньгахъ подъ тою статьею въ книгахъ не написано“. Вслѣдствіе этого деньги, 30 рублей, были взыскиваемы съ Луки Ломоносова и его товарища: они были поставлены „на правещѣ“. Такъ какъ и послѣ 15 дней „правеща“ они „въ тотъ искъ ничего не платили“, то сдѣлано было распоряженіе—оцѣнить ихъ пожитки и деревенскіе жеребья“,¹⁸⁾. Здѣсь то и помогъ Лукѣ Леонтьевичу Василій Дороеевичъ, согласившись продать въ 1714 г. ихъ совмѣстное владѣніе—„пожню сѣнныхъ покосовъ“ за 10 р., которые и пошла въ уплату взыскиваемой суммы.

Младшій сынъ Луки Ломоносова, Иванъ, былъ также недолговѣченъ: онъ умеръ 7-го декабря 1720 г., будучи бездѣтнымъ, но оставивъ жену, которая затѣмъ проживала въ семьѣ его отца¹⁹⁾. Внуку—Никита Ломоносовъ жилъ въ это время въ Архангельскѣ и былъ настолько развитъ, что занималъ должность подъячаса архангелогородской портовой таможни. Природныя дарованія влекли его дальше, и въ началѣ 1725 г. мы видимъ его вмѣстѣ съ двумя товарищами—Яковомъ Ляскинымъ и Василіемъ Ѳоминымъ въ новой столицѣ Россійской имперіи—

¹⁵⁾ Документъ—въ арханг. город. музеѣ.

¹⁶⁾ Тамъ-же.

¹⁷⁾ Документъ—въ арханг. епарх. древнехранилищѣ.

¹⁸⁾ Дѣло архива арханг. губ. правл. по 1-ой описи № 279.

¹⁹⁾ Дух. роспись за 1728 г.—въ арханг. епарх. древнехранилищѣ.

С.-Петербургѣ. Здѣсь, однако, они пробыли недолго: занявъ 26 апрѣля у иноземца Франца Фондорта 30 рублей, обязавшись уплатить ихъ въ Архангельскѣ „купецкому человѣку Логину Бекану“, вѣроятно, довѣренному Фондорта, они возвратились въ Архангельскѣ, гдѣ чрезъ полтора года, 8 декабря 1726 г., Никита Ломоносовъ скончался, не оставивъ наслѣдниковъ. Вдова его чрезъ нѣсколько времени вышла замужъ за капитана Григорія Воробьева ²⁰⁾, и старшая линія фамилии Ломоносовыхъ пресѣклась. Сынъ и внукъ были воспитаны Лукою Ломоносовымъ въ добромъ направленіи и были привержены къ церкви: въ сохранившейся духовной росписи по Куростровскому приходу за 1719 г. они оба значатся исполнившими христіанскій долгъ исповѣди и св. причащенія. Всѣ вообще Ломоносовы, а особенно Василій Дороевичъ, съ выдающимся усердіемъ относились къ постройкѣ каменнаго существующаго и нынѣ Куростровскаго храма; въ записной книгѣ значатся на этотъ предметъ собранныя и Никитою Ломоносовымъ при архангельской таможнѣ 50 к. и пожертвованные вдовой Ивана Ломоносова, Натальей, „въ поминовеніе усопшаго Іоанна“ 1½ рубля ²¹⁾. А поѣздка Никиты Ломоносова въ новосозданную Преобразователемъ Россіи столицу показываетъ, что онъ, хотя, быть можетъ—и не обладалъ энергіей своего подроставшаго даровитаго сородича, но также имѣлъ немалое стремленіе видѣть и знать больше, чѣмъ представляли не только Куростровъ и Холмогоры, но и г. Архангельскѣ, гдѣ еще недавно сосредоточивались русскія торговыя сношенія съ иностранцами.

Кромѣ упомянутыхъ родственниковъ Михаила Васильевича, носившихъ фамилію Ломоносовыхъ, по мѣстному преданію, упоминаемому о. А. Грандилевскимъ, въ родствѣ съ Ломоносовыми находилась фамилія Дороеевыхъ; преданіе это говоритъ даже, что фамилія Дороеевыхъ была давнею и коренною, одна изъ вѣтвей которой получила „уличное прозвище Ломоносовыхъ въ наиболѣе позднее время“ ²²⁾. Мы съ своей стороны можемъ сказать только, что въ бывшихъ у насъ документахъ по Куростровскому приходу за вторую половину XVII вѣка упоминаніе фамиліи Дороеевыхъ не встрѣчалось, но въ приходе-расходной книгѣ холмогорскаго архіерейскаго дома за 1715 г. нашлась слѣдующая записъ: «плачено Василию Дороееву за взятый на пивное варенье ячный солодъ 10 руб.» ²³⁾. Затѣмъ въ записной книгѣ поступленій на построеніе каменнаго куростровскаго храма, заведенной въ 1725 г., въ числѣ наиболѣе усердныхъ жертвователей значатся Василій Дороеевъ, архангельскаго кружечнаго двора подъячій Степанъ Васильевъ Дороеевъ, холмогорскій таможенный подъячій Василій Васильевъ Дороеевъ и подканцеляристъ архангельской внутренней таможи Иванъ Васильевъ Дороеевъ ²⁴⁾. Наконецъ въ духовной росписи по куростровскому приходу за 1728 г. сказано, что „канцелярскій подъячій Василій Дороеевъ“ съ сыновьями Степаномъ и Василянъ и „таможенный подъячій Иванъ Дороеевъ“ съ домами своими живутъ „у города Архангельскаго“ ²⁵⁾. Такимъ образомъ всѣ, повидимому, Дороеевы въ 20-хъ годахъ XVIII сто-

²⁰⁾ Дѣло архива губ. правл. по 1-й описи № 722.

²¹⁾ Книга записная приходная... въ церк. кам. строеніе съ 1725 г. л. 19 об.—въ арханг. городск. музеѣ.

²²⁾ „Извѣстія Арх. Общ. изуч. Русск. Сѣв.“ 1910 г. № 13, стр. 38.

²³⁾ Книга—въ арханг. епарх. древнехранилищѣ.

²⁴⁾ Книга—въ арханг. городск. музеѣ.

²⁵⁾ Въ арханг. епарх. древнехранилищѣ.

лѣтя жили и занимали чиновническія должности; слѣдовательно, были люди не только грамотные, но и способные, даровитые, развитые. Примѣчательно, что пребываніе въ Архангельскѣ и особенно служба большинства ихъ въ таможенѣ падаютъ на одно время съ Никитой Ломоносовымъ; не заключается ли въ этомъ обстоятельстве указаніа, что Дороеевы, дѣйствительно, были въ родствѣ съ Ломоносовыми и помогали другъ другу. Во всякомъ случаѣ, Дороеевы, состоя на службѣ въ таможнѣ вмѣстѣ съ Никитой Ломоносовымъ, имѣли близкое отношеніе и къ отцу Михаила Васильевича—Василію Ломоносову, который „промыселъ имѣлъ на морѣ по Мурманскому берегу и въ другихъ приморскихъ для лову рыбы, трески и палтусины на своихъ судахъ“²⁶⁾ и долженъ былъ вносить къ таможеню судовыя и промысловыя пошлины, получать „пропуски“ и разрѣшенія и т. п. И мы дѣйствительно видимъ Василія Ломоносова нерѣдко проживающимъ въ Архангельскѣ, откуда онъ напр. посылаетъ въ Куростровъ на церковное строеніе то «собранные имъ на лодьяхъ 1 р. 9 алтынъ», то свои собственные „5 рублей“²⁷⁾; а съ нимъ „сынъ его, Михайло Васильевичъ Ломоносовъ... ходилъ неоднократно въ море“, бывалъ и проживалъ въ Архангельскѣ у своихъ родственниковъ, наблюдая ихъ жизнь и дѣятельность.

Непосредственными воспитателями Михаила Васильевича были, конечно, его родители. Отецъ его Василій Дороеевичъ—родился, какъ можно судить по показанію сказки 1719 года, въ 1681 г.; но о родителяхъ его не сохранилось какихъ либо свѣдѣній, и есть основаніе полагать, что онъ, рано лишившись отца, росъ сиротою. Одною изъ характеристическихъ чертъ его указывается та, что онъ былъ „къ сиротамъ податливъ“: возможно, что, пройдя горькую долю сиротства съ малыхъ лѣтъ, онъ не остался равнодушнымъ къ судьбѣ другихъ сиротъ. Въ его сиротствѣ также можно видѣть причину того, что онъ остался „грамотѣ не учень“²⁸⁾, между тѣмъ какъ грамотность въ его время была довольно распространена, и ближайшіе его родственники и сверстники, какъ напр. Иванъ Ломоносовъ, были грамотны. Вынужденный съ малыхъ лѣтъ заботиться о себѣ и быть можетъ о своей матери, Василій Ломоносовъ выработалъ въ себѣ вылающееся трудолюбіе, предприимчивость, отвагу. „Кровавымъ потомъ“, по его собственному признанію, „нажилъ онъ довольство“—довольныя средства къ жизни—„по тамошнему состоянію“²⁹⁾, „имѣлъ промыселъ“, какъ мы уже упоминали, на морѣ, по Мурманскому берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ... на своихъ судахъ, „изъ коихъ въ одно время имѣлъ немалой величины гуккоръ съ корабельною оснасткой“. Въ жизнеописаніи Ломоносова при академическомъ изданіи его сочиненій 1784 г. сообщается, что Василій Ломоносовъ „первый изъ жителей сего края соорилъ и по европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ подъ своимъ селеніемъ галіотъ, прозвалъ его „Чайкою“ и ходилъ на немъ по Бѣлому морю и Сѣверному океану... въ Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Самояди, на рѣку Мезень и въ Пустозерскъ“³⁰⁾.

²⁶⁾ Лепехинъ, *op. cit.*, стр. 299.

²⁷⁾ Книга записная приходная, л. 18 и др.

²⁸⁾ Лепехинъ, *op. cit.*, стр. 299.

²⁹⁾ Письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 10 мая 1753.

³⁰⁾ Львовичъ-Кострица, *op. cit.*, стр. 7.

Эти свѣдѣнія показываютъ, что отецъ гениальнаго нашего земляка былъ человѣкъ дѣятельный, энергичный, наблюдательный, прогрессивный въ сферѣ своей дѣятельности и что, несмотря на свою неграмотность, не можетъ быть названъ „воспитаннымъ въ крайнемъ невѣжествѣ“, какъ выразился однажды о немъ его ученый сынъ ³¹⁾. При этомъ Василій Ломоносовъ былъ „просгосовѣстенъ, съ сосѣдями обходителенъ“, „по натурѣ добръ“, весьма религіозенъ ³²⁾ и приверженъ къ церкви. Онъ больше всѣхъ своихъ односельчанъ заботился о построеніи каменнаго Куростровскаго храма, нѣсколько разъ жертвовалъ на этотъ предметъ изъ своихъ средствъ—всего—до 18 рублей (около 350 рублей на наши деньги) и собиралъ пожертвованія какъ въ Архангельскѣ „на лодьяхъ“, такъ даже и у себя въ домѣ при семейныхъ торжествахъ ³³⁾. Онъ водилъ знакомство съ людьми грамотными, состоятельными и съ духовенствомъ, принималъ замѣтное участіе въ церковноприходскихъ дѣлахъ и въ числѣ первыхъ хлопоталъ въ 1735 г. объ отводѣ земли во владѣніе вновь опредѣленному въ Куростровскій приходъ діакону.

Вообще Василій Ломоносовъ былъ личностью далеко не заурядною и можно вполне утверждать, что даровитый сынъ его многія черты своего нравственнаго облика унаслѣдовалъ отъ своего отца, при чемъ здѣсь имѣли значеніе не только естественное преемство, но и личный примѣръ и наставленіе.

Василій Ломоносовъ былъ женатъ три раза: первой его женою и матерью единственнаго сына его Михаила была „Елена Иванова, дочь Николаевской, Матигорской волости бывшаго діакона Ивана“ ³⁴⁾. О Грандильевскій высказываетъ сожалѣніе, что имя матери Михаила Ломоносова—вѣроятно—въ мѣстныхъ преданіяхъ „забыто“, но говоритъ, что „она была дочерью приходскаго дьячка изъ Матигорскаго селенія“, и что „вѣроятная фамилія ея была, какъ можно предполагать по нѣкоторымъ даннымъ, Ивановская“... ³⁵⁾. Однако имя матери Михаила Васильевича извѣстно со времени первыхъ біографическихъ изысканій о немъ, сдѣланныхъ въ 1788 году, внесено почти во всѣ біографіи Ломоносова и подтверждается сохранившейся духовной росписью по Куростровскому приходу за 1719 г., въ которой она также названа „Еленой“ ³⁶⁾. Что касается званія и фамиліи ея отца, то на это имѣются слѣдующія данныя: въ 90-хъ годахъ въ Николаевскихъ Матигорахъ былъ дѣйствительно діакономъ Иванъ Ивановъ, который въ—1693 и 1694г.г.—неоднократно подписался за неграмотныхъ въ книгѣ для раздачи жалованья по холмогорскому архіерейскому дому ³⁷⁾. Но 26 сентября 1708 г. на мѣсто умершаго „въ прошлыхъ годѣхъ“ діакона Николаевскихъ Матигоръ Ивана Сивкова опредѣленъ былъ изъ архіерейскихъ подьяковъ Петръ Семеновъ; изъ сохранившихся документовъ по дѣлу объ отведеніи земли вновь опредѣленному діакону видно, что умершій діакономъ Иванъ Сивковъ былъ поставленъ въ Матигоры пресвященнымъ архіепископомъ Аванасіемъ и владѣлъ по его распоряженію

³¹⁾ Письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 31 мая 1753 г.

³²⁾ Въ обѣихъ сохранившихся дух. росписяхъ—за 1719 и 1728 г. онъ значится исполнившимъ христіанскій долгъ исповѣди и причастія.

³³⁾ Книга, записная... приходная 1725 и послѣд. годовъ.

³⁴⁾ Лепехинъ, *op. cit.* стр. 302.

³⁵⁾ „Извѣстія Арх. Общ. изуч. Рус. Сѣв.“ 1910, № 13, стр. 41.

³⁶⁾ Документъ—въ арх. епарх. древнехранилищѣ.

³⁷⁾ Тамъ-же.

„церковною тяглою земель“, съ которой „тягло платили изъ церковной Николаевской казны“³⁸⁾. Такимъ образомъ устанавливается, что Елена Ивановна была дочь Матигорскаго діакона, а не дьячка, и что двическая фамилія ея была Сивкова, а не Ивановская; затѣмъ подтверждается, что когда она выходила замужъ за Василя Ломоносова, то отца ея уже не было въ живыхъ. А это обстоятельство въ свою очередь показываетъ, что бракъ ихъ состоялся не „около 1703 г.“, какъ предполагаетъ о. Грандилевскій³⁹⁾, а не ранѣе 1708 г.. вѣроятнѣе же — въ 1709 или даже въ 1710 году, что и будетъ согласоваться со временемъ рожденія перваго и единственнаго ихъ сына Михаила. Совершенно невѣрно также утвержденіе о. Грандилевскаго, что у Василя и Елены Ломоносовыхъ была еще старшая дочь Марія, родившаяся на шесть лѣтъ ранѣе Михаила: дочь Марія, дѣйствительно была у Василя Ломоносова, но она родилась, какъ это документально извѣстно, въ 1736 г.⁴⁰⁾ — уже отъ третьей жены его Прицы Семеновой.

Итакъ, Василій Дорощевичъ вступилъ въ бракъ въ 27—28—лѣтнемъ возрастѣ, по возрѣніямъ своего времени, болѣе чѣмъ зрѣломъ, и, женись на сиротѣ, видимо руководился въ своемъ выборѣ не какими либо матеріальными расчетами, а добрыми нравственными качествами своей невѣсты. Предполагать, однако, что она была грамотной и даже „обладала начитанностью“, какъ это дѣлаютъ проф. А. Березинъ и о. Грандилевскій и др., не только нѣтъ какихъ либо документальныхъ основаній, но и не соответствовало бы общеизвѣстному факту, что въ то время даже въ священническихъ семьяхъ дѣвочекъ не учили грамотѣ⁴¹⁾.

Время рожденія Михаила Васильевича съ полною достовѣрностью нужно относить къ 8 ноября 1711 г., какъ это установлено и принято Императорской Академіей Наукъ. Дата эта вполне согласуется съ показаніемъ ревизской сказки, произведенной въ началѣ 1719 г. въ которой Михаилу Ломоносову обозначено „7“ лѣтъ, сколько ему въ дѣйствительности и было, разъ онъ родился въ концѣ 1711 года. Тѣ изъ біографовъ, которые относятъ время рожденія Ломоносова къ 1712 г. очевидно упускаютъ изъ виду указанное обстоятельство и, основываясь на показаніи этой сказки, прямо вычитаютъ цифру „7“ изъ обозначенія года „1719“. Точно также и отнесеніе въ некоторыми біографами Ломоносова времени рожденія его къ 1715 году можно объяснять тѣмъ недоумомъ, что въ переписи 1722 г. внесены показанія сказки 1719 г., что и замѣчено, и потому Михаилу Ломоносову обозначено 7 лѣтъ, а не болѣе, какъ бы слѣдовало по времени производства переписи. Болѣе труднымъ является объясненіе первоначальнаго печатнаго показанія въ „Запискахъ о путешествіи“ академика Лепехина, гдѣ сказано, что „Ломоносовъ родился въ 1709 г.“: можно думать, что показаніе это сдѣлано лишь по памяти, приблизительно, и что, быть можетъ, въ основѣ его лежитъ обозначеніе не года рожденія Михаила Васильевича, а скорѣе — года вступленія въ бракъ отца его Василя Дорощевича. Что Михаилъ Ломоносовъ родился 8 ноября, или — въ непосредственной близости къ этому дню, на это указываетъ данное ему имя въ честь Архистратига

³⁸⁾ Въ арх. епарх. древнехран.

³⁹⁾ „Извѣстія Арханг. Общ. изуч. Р. С.“ 1910, № 13, стр. 41.

⁴⁰⁾ „Арх. Губ. Вѣд.“ 1868 г.

⁴¹⁾ По бывшимъ въ нашихъ рукахъ документамъ первой четверти XVIII в., мы встрѣтили въ Холмогорахъ только двухъ грамотныхъ женщинъ — это были: жена Осипа Андр. Баженина — Парасковья — дочь архіерейскаго дьяка Карпа Андреева и вторая жена архіерейскаго же дьяка Данила Лебедева — Евфросинія, происхожденіе которой намъ неизвѣстно.

Михаила: изъ сохранившихся метрическихъ книгъ первой четверти XVIII в. видно, что имя новорожденному давалось въ честь того святого, память котораго праздновалась въ самый—или ближайшій къ нему день рожденія младенца ⁴²⁾.

Сображеніе о. Грандилевскаго, что во время рожденія Ломоносова въ Куростровскомъ приходѣ былъ одинъ священникъ, Алексѣй Ивановъ, и что имъ-то, „при участіи какого-то дьячка Сидора Панкратевича былъ крещенъ Михаилъ Васильевичъ“ ⁴³⁾—противорѣчитъ историческимъ даннымъ. Уже при преосвященномъ Аѳанасіи, какъ видно изъ документовъ, въ Куростровскомъ приходѣ были два священника: Иванъ Кирилловъ (Гоголевъ) и Герасимъ ⁴⁴⁾; въ концѣ 90-хъ гг. XVII столѣтія на мѣсто ихъ тѣмъ же преосвященнымъ были опредѣлены—сынъ перваго Алексѣй Ивановъ и племянникъ Иванъ Дмитріевъ Гоголевы, которые и продолжали служить вмѣстѣ до 30-хъ годовъ XVIII столѣтія. Приходъ у нихъ былъ раздѣленъ на „половины“, при чемъ всѣ Ломоносовы, какъ опять таки это видно изъ документовъ ⁴⁵⁾, принадлежали „половинѣ“ священника Ивана Дмитріева; слѣдуетъ думать, поэтому, что и младенецъ Михаилъ Ломоносовъ крещенъ былъ именно этимъ священникомъ. Что касается „дьячка Сидора Панкратевича (Колчина), которому о. Грандилевскій приписываетъ, кромѣ участія въ крещеніи Ломоносова, наученіе Михаила Васильевича „грамотѣ и своему дьячковскому дѣлу и веденіе довольно оригинальныхъ бесѣдъ“ съ нимъ и котораго вообще признаетъ воспитателемъ юности гениальнѣйшаго русскаго ученаго“, обосновавшимъ „въ этой научной звѣздѣ первыя начала лучшихъ знаній и готовность открыть душу къ безконечному совершенствованію“ ⁴⁶⁾—то въ бывшихъ въ нашихъ рукахъ документахъ—дьячка съ вышеназванными именемъ, отчествомъ и фамиліей по Куростровскому приходу съ время Ломоносова совершенно не значится. Въ документахъ съ 1712 по 1718 г. подписывается дьячокъ Куростровскаго прихода „Семень Никитинъ Смолиныхъ“, съ 1719 по 1730 г.—„Семень Никитинъ Сабельниковъ“ при чемъ въ переписи 1723-1724 г. ему обозначено 52 года и сказано, что онъ „бывшій подьякъ преосв. Аѳанасія“; такъ какъ въ числѣ подьяковъ преосв. Аѳанасія въ 90-хъ годахъ былъ лишь Семень Никитинъ Смолиныхъ, то мы думаемъ, что „С. Н. Смолиныхъ“ и „С. Н. Сабельниковъ“ есть одно и тоже лицо: это подтверждаетъ и совершенно одинаковый почеркъ „Смолина“ и „Сабельникова“. ⁴⁷⁾ Дьячекъ Сабельниковъ извѣстенъ и о. Грандилевскому, только онъ называетъ его почему-то „Семень Яковлевичъ“ и относитъ время служенія его, повидимому, послѣ Ломоносова ⁴⁸⁾.

Младенчество и дѣтство будущаго знаменитаго ученаго протекло конечно на рукахъ матери: оставляемая мужемъ во время его продол-

⁴²⁾ Напр., въ сохранившейся метрицѣ по Куростровскому приходу за 1724 г. въ отдѣлѣ о родившихся записаны: Иванъ—7 января, Аѳанасій—17 января, три Федора—15 и 16 февраля, Евдокія 28 февраля, Иванъ—18 апрѣля, Ирина—19 апрѣля, Иванъ—9 мая, Никита—14 сентября, Михаилъ—28 сентября, Іаковъ—25 октября, два Михаила—13 ноября; нужно, впрочемъ полагать, что записи дня рожденія здѣсь не совсѣмъ точны.

⁴³⁾ „Извѣстія Арханг. Общ. изуч. Р. С.“, 1910 г. № 11, стр. 39 и № 13, стр. 43.

⁴⁴⁾ А еще ранѣе—въ 1678 г.—упоминаются Полиевктъ Емельяновъ и Иванъ Кирилловъ, послѣдній продолжалъ служить, очевидно, и при преосв. Аѳанасіи.

⁴⁵⁾ Духовная роспись по Куростр. прих. за 1719 г.

⁴⁶⁾ „Извѣстія Арханг. Общ. изуч. Р. С.“ 1910, № 13, стр. 43, № 17, стр. 18, 25.

⁴⁷⁾ Документы въ арханг. епарх. древнехр. Возможно, что родовую фамилію „Смолиныхъ“ онъ смѣнялъ на личную—„Сабельниковъ“ при переписи въ 1719 г.

⁴⁸⁾ „Изв. Арх. Общ. изуч. Р. Сѣв.“ 1910 г. № 17, стр. 25.

жительныхъ и опасныхъ для жизни поѣздокъ по Бѣлому морю и океану, она сосредоточивала силу своей любви и привязанности на единственномъ сынѣ—малюткѣ, берегла и лелѣяла его, какъ умѣла. Подъ заботливымъ уходомъ любящей матери мальчикъ росъ здоровымъ, смысленнымъ, вдумчивымъ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ отвѣчалъ ей крѣпкою привязанностью, и ея нерѣдко скорбный образъ глубоко напечатлѣвался въ его дѣтской душѣ. Правда, нѣкоторые біографы Ломоносова указываютъ на то, что онъ нигдѣ не упоминаетъ о своей матери и заключаютъ объ отсутствіи „какихъ бы то ни было слѣдовъ ея образа въ душѣ впечатлительнаго ребенка“; объясняя это тѣмъ, что „онъ лишился ея въ нѣжномъ возрастѣ“,—что „она скоро умерла“. ⁴⁹⁾ Но Елена Ивановна скончалась не такъ „рано“, какъ это обыкновенно предполагаютъ: въ 1719 г., какъ видно изъ духовной росписи по Куростровскому приходу за этотъ годъ, она была жива и вмѣстѣ съ мужемъ исполняла христіанскій долгъ исповѣди и святаго причащенія. Точной даты о времени кончины ея не имѣется, но если предположить, что она умерла во второй половинѣ того же 1719 года, а тѣмъ болѣе—въ 1720 г., то въ такомъ случаѣ Михаилу Васильевичу было тогда около 8—9 лѣтъ,—возрастъ достаточный, чтобы имѣть представленіе и память о родной, любимой матери. Что же касается того, что Ломоносовъ нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не упоминаетъ о своей матери, то это обстоятельство представляется намъ вполне объяснимымъ. Прежде всего нужно сказать, что Михаилъ Васильевичъ въ свои ученые сочиненія не вносилъ, да и не имѣлъ поводовъ вносить, какихъ либо конкретныхъ воспоминаній о своей дѣтской жизни на родинѣ: сочиненія эти имѣютъ предметомъ своимъ такія области мысли и знанія, которыя не имѣли никакого соприкосновенія съ его дѣтской жизнью въ семьѣ. Поэтому, если нѣтъ въ нихъ какихъ либо воспоминаній о матери, при которой онъ жилъ до 8—лѣтняго возраста, то нѣтъ конкретныхъ воспоминаній и объ отцѣ, съ которымъ онъ жилъ до 19 лѣтъ, дѣлилъ труды и опасности его морскихъ путешествій и участіе въ мѣстной общественно-приходской жизни: нѣтъ и вообще воспоминаній о родственникахъ. Нѣсколько воспоминаній объ отцѣ и мачехѣ—и то по особымъ обстоятельствамъ—онъ внесъ только въ письма къ своему вельможному покровителю И. И. Шувалову; что же касается матери, то Ломоносову, по неграмотности его отца, не съ кѣмъ и не для чего было дѣлиться воспоминаніями о ней, лично для него лишь дорогими и умильными. Когда—въ 1749 г.—у Михаила Васильевича—уже ученаго профессора и академика—родилась его единственная дочь, то онъ не преминулъ ей дать имя Елены, столь дорогое ему по воспоминаніямъ дѣтства, и потому едва ли будетъ ошибкою видѣть въ этомъ обстоятельстве отзвукъ хранимыхъ имъ воспоминаній...

Послѣ смерти матери Михаила Васильевича, Елены Ивановны, отецъ его женился вторично на дочери „крестьянина Троицкой Ухтостровской волости“ Ѳеодорѣ Михайловнѣ Узкой. Пользуясь выраженіемъ Ломоносова, что онъ имѣлъ „злую и завистливую мачеху“, біографы его, не задумываясь, не только относятъ эти слова къ лицу второй жены Василя Дороеевича, но и не скупятся въ выраженіяхъ, чтобы усилить ихъ смыслъ. „Вскорѣ послѣ смерти первой жены“, говоритъ одинъ изъ нихъ, „отецъ Ломоносова женился на второй, крайне злой

⁴⁹⁾ А. Сосницкій *op. cit.*, стр. 2., Ист.-русск. лит. подъ ред. проф. А. Бороздина, т. 1. 1910 г. Москва, стр. 360.

и придиричивой женщинѣ“... ⁵⁰⁾ „Ломоносова“, говоритъ другой; „поѣдомъ ѣла злая мачеха, которую по смерти Елены Ивановны, отецъ ввелъ въ свой домъ“ ⁵¹⁾; о Грандильевскій повѣтствуетъ, „что она имѣла отвратительный характеръ“ и была „загрубѣлой во злѣ бабой“ ⁵²⁾ Даже въ первоначально собранныхъ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ академику Лепехину, говорится, что „когда мать Ломоносова умерла, то отецъ его женился на другой женѣ, которая была можетъ быть причиною, побудившею его оставить домъ отца своего и искать себѣ счастья въ другихъ мѣстахъ“ ⁵³⁾. Между тѣмъ, во всѣхъ подобнаго рода отзывавъ о второй женѣ Василія Доросеевича кроется недоразумѣніе, и по историческимъ соображеніямъ они не могутъ быть къ ней приложимы; во всякомъ случаѣ, совершенно нельзя предполагать, что она была причиною ухода Михаила Васильевича изъ родительскаго дома. Дѣло въ томъ, что, какъ свидѣтельствуется подлинная метрическая запись по Куростровскому приходу, вторая „жена Василія Ломоносова, Θεодора, умерла 14-го іюня 1724 года“ ⁵⁴⁾, т. е. за 6½ лѣтъ до ухода своего пасынка въ Москву. Такъ какъ, затѣмъ, по ходу мыслей письма Ломоносова къ Шувалову, гдѣ онъ называетъ свою мачеху „злою и завистливою“ и говоритъ, что она всячески старалась произвести гнѣвъ въ его отцѣ“ ⁵⁵⁾, можно видѣть, что злоба этой мачехи дѣйствительно была одною изъ причинъ оставленія имъ родительскаго дома, то очевидно, что рѣчь идетъ не о второй женѣ Василія Ломоносова и не о первой мачехѣ его сына, смѣнившей родную мать послѣдняго. А если такъ, то Θεодора Михайловна должна быть освобождена отъ тѣхъ жесткихъ отзывовъ, которые высказывались до сего времени біографами Ломоносова по ея адресу: жизнь ея въ семьѣ Ломоносова по своей кратковременности и малозамѣтности, видимо, не оставила какихъ либо слѣдовъ въ воспоминаніяхъ Михаила Васильевича, и потому онъ говоритъ объ одной своей мачехѣ, тогда какъ у него ихъ было двѣ.

Черезъ 4 мѣсяца послѣ смерти второй жены, отецъ Ломоносова—11 октября 1724 г. вступилъ въ третій бракъ со вдовою, какъ сказано въ метрической записи, Ириною Семеновою,—дочерью крестьянина Николаевской Матигорской волости, Семена Корельскаго, какъ значится въ запискахъ Лепехина. Вотъ эта-то женщина, вѣроятно пожилая и черствая, и была тою „злою и завистливою мачехою“, о которой Михаилъ Васильевичъ вспоминалъ, что она „всячески старалась произвести гнѣвъ въ его отцѣ“, представляя, что будущій знаменитый ученый „всегда сидитъ по пустому за книгами“. Поэтому онъ „многokrатно принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и голодь, пока ушелъ въ Спасскія школы“. Это воспоминаніе Ломоносова показываетъ, что время, когда онъ, выучившись грамотѣ, сталъ съ особеннымъ стараніемъ „читать и учиться чему возможно было“ на родинѣ было уже при второй его мачехѣ, т. е. на 14 году его жизни. Съ указаннымъ опредѣленіемъ будетъ согласоваться и сообщеніе первоначальныхъ изысканій, что „Михайло Васильевичъ, не учась еще російской грамотѣ, ходилъ неоднократно съ отцомъ своимъ въ море“, куда отецъ могъ брать его лѣтъ съ

⁵⁰⁾ А. Соснякскій *op. cit.* стр. 2.

⁵¹⁾ Полевой, *Ист. русск. слов.* 1900 г., М., т. 1, стр. 502.

⁵²⁾ „Изв. Арх. Общ. изуч. Русск. Сѣв.“, 1910 г., № 13, стр. 46.

⁵³⁾ Лепехинъ, *op. cit.*, стр. 300.

⁵⁴⁾ Документъ—въ архив. сварх. древнехр.

⁵⁵⁾ Письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 31 мая 1753 г.

10—11, и—даже то, что „въ одно время отецъ его сговорилъ было въ Колѣ у неподлаго человека взять за него дочь“... Вѣроятно Ломоносовъ, вслѣдствіе высокаго роста и физическаго развитія, казался старше своихъ лѣтъ, „однако онъ тутъ жениться не похотѣлъ“, говорится далѣе въ сообщеніи, „притворилъ себѣ болѣзнь и потому того совершенно не было“... Намѣреніе отца женить Михаила Васильевича или по крайней мѣрѣ „сговорить“ ему невѣсту, въ столь раннемъ возрастѣ, ради того, конечно, чтобы имѣть работницу въ домѣ—вѣроятно это и было послѣ смерти второй жены Василія Дорощеевича—осенью 1724 г.—не являлось необычнымъ въ то время. Уже въ концѣ своей жизни—въ 1761 г., Ломоносовъ, разбирая свои сочиненія и найдя „старыя записки своихъ мыслей, стирающихся къ приращенію общей пользы“, составилъ на основаніи ихъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ разсужденій—„о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа“, поднесенное имъ въ видѣ „письма“ И. И. Шувалову въ день рожденія послѣдняго. Въ числѣ причинъ умаленія народонаселенія Ломоносовъ ставитъ въ этомъ разсужденіи на первомъ мѣстѣ—браки между лицами несоотвѣтствующихъ лѣтъ и говоритъ, что при немъ почти вездѣ по деревнямъ выдавались взрослыя дѣвки за несовершеннолѣтнихъ парней. Приписывая такому обычаю, кромѣ естественнаго вреда и препятствія къ размноженію, происхожденіе многихъ пороковъ, унижающихъ человѣческаго достоинство, и высказавъ свое мнѣніе о соотвѣтствующихъ лѣтахъ жениха и невѣсты, знаменитый ученый продолжаетъ: „хотя-жъ по деревнямъ и показываютъ причины, что женятъ малыхъ ребятъ для работницъ, однако все пустошь, затѣмъ, что если кто семью малую... имѣетъ, тотъ найму работниковъ“ и проч. ⁵⁶⁾. Какъ видно, намѣреніе отца женить Михаила Васильевича въ раннемъ возрастѣ произвело на него столь тягостное впечатлѣніе, что онъ не только тогда „притворилъ себѣ болѣзнь“, но и до конца жизни не могъ забыть этого обстоятельства.

Въ то время, какъ отецъ Михаила Васильевича, удрученный смертью и второй своей жены, возымѣлъ намѣреніе для практическихъ цѣлей и по примѣру другихъ женить своего несовершеннолѣтняго, по единственнаго сына, мысль будущаго академика работала совсѣмъ въ другомъ направленіи. Смерть матери, къ которой онъ началъ относиться съ сознательною любовью, была для него тяжелымъ ударомъ, а вступленіе въ ихъ семью новой хозяйки, чужой ему по крови, сдѣлала для него почти чужимъ и родной домъ. Часто, вѣроятно, уходилъ онъ на погостъ, который находился всего въ 150 саженьяхъ отъ его дома, молился на могилѣ матери, ходилъ въ церковь, гдѣ служба совершалась каждый день—такъ какъ причтъ былъ двухклирный, вслушивался въ чтеніе и пѣніе и хотѣлъ бы, по примѣру другихъ своихъ сверстниковъ, самъ принять участіе на клиросѣ. А во время своихъ поѣздокъ съ отцомъ отъ сочувственнаго вниманія религиозно настроеннаго, впечатлительнаго, даровитаго юноши не могло ускользнуть, какъ возбуждено было религиозное сознаніе насельниковъ Поморья, какъ всюду разсуждали о старой и новой вѣрѣ, читали и переписывали старыя книги и на нихъ ссылались въ защиту стараго уклада мысли и жизни. И вотъ „какъ пришелъ онъ съ моря (по внѣшнему виду) уже взрослый, вознамѣрился учиться россійской грамотѣ и обучилъ его оной той-же Куростровской волости крестьянинъ Иванъ Шубной, отецъ Федоту Ивановичу Шубину, который нынѣ (въ 1788 г.) при академіи художествъ“.

⁵⁶⁾ Избр. соч. Ломоносова, изд. А. Суворина, 1882 г. стр. 162—164.

Нѣкто Прокопій Ивановъ въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1868 г. (№ 21) сообщаетъ, что Ѳедотъ Ивановичъ Шубный „былъ третій сынъ Ивана Аѳанасьевича Шубнаго“, родившійся „въ 1740 г.“, что „самъ Иванъ Аѳанасьевичъ былъ плохой грамотей, но выучилъ чтенію и письму М. В. Ломоносова“ и что скончался онъ „въ 1759 г.“ Фамилія Шубныхъ, какъ видно по документамъ, была чрезвычайно распространена въ Куростровскомъ, Ровдогорскомъ и другихъ сосѣднихъ приходяхъ, причѣмъ въ Куростровѣ по духовной росписи за 1719 г. значатся два Ивана Аѳанасьевича Шубныхъ: одинъ женатый, имѣвшій женатаго же сына Сергѣя, другой неженатый, записанный лишь съ матерью своею Евфимією. Первый—несомнѣнно—имѣлъ въ 1719 г. не менѣе 40 лѣтъ и родился, слѣдовательно, не позже 1679 г.; умеръ онъ въ концѣ 20-хъ годовъ XVIII столѣтія, какъ видно изъ другого документа, гдѣ—въ 1730 г.—жена его названа вдовою „бывшаго Ивана Шубнаго“⁵⁷⁾. Будучи такимъ образомъ не менѣе, какъ на 32 года старше Михаила Ломоносова и имѣя женатыхъ сыновей, относительно которыхъ нѣтъ указаній, чтобъ они были грамотны,—не онъ конечно, „обучилъ грамотѣ“ будущаго академика. Это обстоятельство нужно приписать второму Ивану Шубному, вѣроятно, сыну, того „Офонася Ив. Шубныхъ“, который въ 1702 и 1709 г. ссудилъ Лукѣ Леонтьевичу Ломоносову въ первый разъ 20 рублей, а во второй—10 руб.; а въ 1714 г., на „зговорномъ письмѣ“ по продажѣ Лукой Леонтьевымъ и Василиемъ Дороеевымъ Ломоносовыми принадлежавшей имъ „пожни сѣнныхъ покосовъ на Микифорковѣ“ Иванъ Шубный подписался „послухомъ“. Видимо, семейство этихъ Шубныхъ было въ близкихъ, можетъ быть даже родственныхъ, отношеніяхъ съ Ломоносовыми. Самая подпись Ивана Шубнаго на упомянутомъ „зговорномъ письмѣ“ 1714 г. изображена такъ: „Послухъ Иванъ Шубной у сего письма былъ і въ томъ руку приложилъ“; но нужно замѣтить, что, судя по почерку, старательно выведенному, этому „послуху“ нельзя дать болѣе 9—10 лѣтъ. Въ то время такое раннее выступленіе грамотныхъ мальчиковъ не было необычнымъ: мы уже говорили, что закладную кабалу Луки Ломоносова въ 1702 г. въ 20 руб. подписалъ „внукъ его Никита Ѳедоровъ“, которому въ то время не могло быть болѣе 13—14 лѣтъ. Такимъ образомъ, упомянутый „послухъ Иванъ Шубный“ родился по нашему предположенію въ 1704—1705 г., былъ на 6—7 лѣтъ старше Михаила Ломоносова и при близкихъ отношеніяхъ между ихъ семействами легко могъ обучить жаждавшего постигнуть грамоту будущаго академика. Намъ неизвѣстно, на какомъ основаніи г. Ивановъ говоритъ, что учившій Ломоносова грамотѣ Ив. Аѳ. Шубный „былъ плохой грамотей“: если онъ имѣлъ въ виду лишь подпись его подъ „зговорнымъ письмомъ“ 1714 г., на основаніи которой и Н. А. Голубцовъ, напечатавшій „фамилійныя бумаги Ломоносовыхъ“, находящіяся въ архангельскомъ городскомъ музеѣ, замѣтилъ, что „самъ Шубный писалъ крайне плохо“⁵⁸⁾, то эти отзывы намъ кажутся необоснованными. Дѣло въ томъ, что, по нашему мнѣнію, указанная подпись принадлежитъ не больше какъ 10-лѣтнему Шубному, и она—на нашъ взглядъ—сдѣлана старательно, крупно и четко; поэтому чрезъ 8—9 лѣтъ, когда сталъ у него учиться Ломоносовъ, Шубный могъ быть и—какъ мы увѣрены—былъ уже хорошимъ грамотеемъ и умѣлъ весьма неплохо писать. Подтверженіе этихъ предположеній можно видѣть въ томъ, что Михаилъ Васильевичъ „обучился (у Шубнаго) въ короткое время

⁵⁷⁾ Книга записная приходская... 1725 и слѣд. годовъ.

⁵⁸⁾ Записка объ арханг. гор. публ. музеѣ, 1910 г. прилож. стр. 30.

совершенно“; конечно успѣхъ этотъ нужно относить главнымъ образомъ къ необычайнымъ дарованіямъ усерднаго юноши; тѣмъ не менѣ здѣсь имѣли мѣсто и знанія учителя: у „плохого грамотея“ едва ли бы въ короткое время совершенно“ выучился и даровитый ученикъ. Черезъ два года Ломоносовъ „къ удивленію всѣхъ учинился, лучшимъ чтецомъ въ приходской своей церкви; большая „охота его до чтенія на клиро-сѣ и за амвономъ“ (т. е. шестопсалмія за утреней и Апостола за литур-гіей) и особенно „превосходство произносить читаемое къ мѣсту раз-становочно, внятно и при томъ съ особою пріятностію и локкостію голоса“ возбуждали зависть и недобольство его сверстниковъ. Но Ломо-носовъ быстро шелъ впередъ: „охочь былъ читать въ церкви псалмы и каноны и житія святыхъ, напечатанныя въ прологахъ и въ томъ былъ проворенъ; а при томъ имѣлъ у себя природную глубокою память: ко-гда какое житіе или слово прочитаетъ, послѣ пѣнія рассказывалъ сѣ-дящимъ въ трапезѣ старичкамъ сокращеніе на словахъ обстоятельно“⁵⁹⁾. Эта въ высшей степени живая и чудная картина ярко рисуется предъ нами нравственный обликъ 14—15-лѣтняго Ломоносова, первоначальное направленіе его необыкновенныхъ дарованій и моральныхъ стремленій: она невольно возбуждаетъ крѣпкую симпатію къ этому умному юношѣ и предчувствіе, что онъ будетъ кѣмъ-то особеннымъ, не похожимъ на дру-гихъ. Чтеніе книгъ заинтересовывало его все болѣе и болѣе, умствен-ный горизонтъ расширялся, вопросы знанія увеличивались, онъ стара-ется узнать, нѣтъ ли у кого нибудь еще книгъ и наконецъ получаетъ свѣдѣніе, что имѣются книги въ богатомъ домѣ Дудиныхъ.

Дудины были старинный, состоятельный родъ въ Холмогорахъ; одинъ изъ представителей этого рода—Павель Владиміровичъ Дудинъ—въ концѣ XVII вѣка состоялъ священникомъ сначала при Холмогор-скомъ соборѣ, а затѣмъ при Николаевской церкви того же города и былъ человѣкъ очень книжный. Составляя свою обширную бібліотеку, преосвященный Аѳанасій, архіепископъ холмогорскій, купилъ нѣсколько книгъ, между прочимъ, и у священника Павла Дудина; таковыя были книги: „Миръ съ Богомъ“, „О красотѣ св. церкви“, „Бесѣды Іоанна Златоуста на дѣянія апостольскія, его же Бесѣды на 14 посланій апо-стола Павла“ и др.⁶⁰⁾ Священникъ Павель Дудинъ скончался въ 1695 г.;⁶¹⁾ дѣти его были также люди книжные: такъ, у сына его Хри-стофора тѣмъ же архіепископомъ были куплены „Поученія Аввы До-рофея“, „Маргарить“ и др.; продавая нѣкоторыя книги, почему либо оказавшіяся излишними, Дудины не только оставляли у себя другія, но и приобрѣтали новыя. По неизвѣстной намъ причинѣ Христофоръ Павло-вичъ Дудинъ (о. Грандилевскій называетъ его „Игнатъевичъ“!⁶²⁾ съ своимъ семействомъ проживалъ въ Куростровѣ; въ этомъ то семейст-вѣ и удалось Михаилу Васильевичу достать такія книги, которыя онъ впоследствии называлъ „вратами своей учености“; это были „Псалтирь“ Симеона Полоцкаго, „Ариеметика“ Магницкаго, по мнѣнію нѣкоторыхъ біографовъ еще и „Грамматика“ Смотрицкаго. Одни изъ біографовъ го-ворятъ, что Ломоносовъ просилъ сначала этихъ книгъ у старика, т. е. у Христофора Дудина, но получилъ рѣшительный отказъ; тогда онъ постарался расположить сыновей старика, дѣлая имъ разныя угожденія

⁵⁹⁾ Лепехинъ. *op. cit.* стр. 299—300.

⁶⁰⁾ В. М. Верюжскій, Аѳанасій, архіеп. холмогорскій, его жизнь и труды, СПб., 1908 г., стр. 597.

⁶¹⁾ Синодикъ Николаевской г. Холмогоръ церкви, рукоп. XVII в.

⁶²⁾ „Изв. Арх. Общ. изуч. Р. Сѣв.“ 1910 г., № 17, стр. 18.

и услуги и, наконецъ получилъ просимое. Нелишне при этомъ замѣтить, что Христофоръ Дудинъ, какъ гласитъ метрическая запись, скончался 12 июня 1724 года (на два дня ранѣе, какъ умерла первая мачеха Ломоносова-Феодора Михайловна), когда самому Михаилу Васильевичу было только 12½ лѣтъ: быть можетъ, конечно, что тогда еще будущій ученый искалъ себѣ книгъ для ученья, но получилъ онъ ихъ гораздо позднѣе и, вѣроятно, не одновременно.

„Псалтирь царя и пророка Давида художествомъ риетворнымъ—равномѣрно слоги и согласно конечно—... предложенная“ Симеономъ Полоцкимъ и отпечатанная въ Москвѣ въ 1680 году, была, какъ и другія риетворанныя сочиненія Полоцкаго—„Вертоградъ многоцѣнный“ и „Риетмологіонъ“, довольно распространена между грамотными людьми. Всѣ эти книги извѣстны были и въ Холмогорахъ, особенно ученикамъ пѣвческой и подъяческой школы архіепископа Аенасія и вообще—грамотной молодежи, которую занимала риетворанная рѣчь: въ числѣ разныхъ подписей на книгѣ хлѣбной раздачи холмогорскаго архіерейскаго дома за 1695—96 гг. мы встрѣтили и такую-изъ „Риетмологіона“:

„Орле, восплещи крылы, двоеглавный,

Вознеси скиптръ высокодержавный“.

Увлечательное дѣйствіе произвела, конечно, и на Ломоносова риетворанная Псалтирь Полоцкаго: псалмы, читаемые Михаиломъ Васильевичемъ въ церкви „разстановочно и внятно и при томъ съ особою пріятностью и ломкостью голоса“, въ риетворанномъ изложеніи Полоцкаго находили живой откликъ въ пробуждавшихся между прочимъ поэтическихъ дарованіяхъ юности. Новиковъ въ своемъ „Опытѣ историческаго словаря о російскихъ писателяхъ“ говоритъ—всего 7 лѣтъ спустя послѣ смерти Ломоносова,—что Псалтирь, переложенная въ стихи Симеономъ Полоцкимъ, возбудила въ Михаилѣ Васильевичѣ страстную любовь къ стихотворной формѣ и что сильное желаніе обучиться стихотворству явилось даже главной причиной, побудившей его покинуть отчій домъ и бѣжать въ Москву. Этотъ взглядъ является, можетъ быть, одностороннимъ, тѣмъ не менѣе, несмотря на разнообразіе, широту, можно сказать—всеобъемлемость учено-литературной дѣятельности Ломоносова, стихотворная форма изложенія разрабатывалась имъ въ теченіе всей его жизни, при чемъ значительная часть поэтическихъ произведеній Михаила Васильевича имѣетъ своимъ предметомъ мотивы религиозные и въ частности—переложеніе псалмовъ. Вообще—„Псалтирь Симеона Полоцкаго была, говоритъ академикъ Ламанскій, долгое время учителемъ и воспитателемъ одного изъ гениальнѣйшихъ людей; Ломоносовъ зачитывался ею, училъ ее наизусть, вникалъ въ каждое ея слово и выраженіе; съ его развитіемъ, которому она много содѣйствовала, росло самое значеніе книги“⁶³).

Такое же, если еще не болѣе обширное, значеніе имѣла для Ломоносова и „Ариеметика“ Магницкаго. Книга эта, изданная въ Москвѣ въ 1703 г. „ради обученія мудролюбивыхъ отроковъ“ и имѣвшая, по свидѣтельству Ламанскаго, нѣсколько сотъ страницъ, представляла изъ себя пѣлую энциклопедію, въ которую входили свѣдѣнія изъ геометріи, физики, географіи, астрономіи, навигаціи и т. п. Всѣ эти свѣдѣнія излагались въ ней примѣнительно къ русскимъ потребностямъ, при чемъ Магницкій говоритъ, что онъ всячески старался, чтобы читатель

⁶³) Львовичъ—Гострыда, *op. cit.*, стр. 12, Полевой, *Ист. русск. слов.* стр. 563; Березинъ, *Ист. русск. лит.*, 1910 г., стр. 372—376; Избр. соч. Л.—ва, изд. Суворина, 1882 г., стр. 1—11; Ламанскій, *op. cit.*, стр. 39—41.

могъ понимать его безъ учителя, „только усердно да прилежень“. Взглядъ Магницкаго на науки выражается въ его замѣчаніи, что „умъ словесный долженъ упражняться въ познаніи и величаніи Бога“; эту мысль, занимаясь всѣми упомянутыми науками, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ постоянно проводилъ Ломоносовъ въ своихъ трудахъ ⁶⁴).

Грамматика Смотрицкаго, изданная въ первый разъ въ Вильнѣ въ 1618 г., а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ изданій, напечатанная въ Москвѣ въ 1648 г., стояла во главѣ всѣхъ подобнаго рода книгъ. Авторъ между прочимъ говоритъ о своемъ трудѣ: „здѣ въ предисловіи вписахомъ къ люботрудне тщатися ходящимъ къ разуму ученья грамматическаго... вину вземъ отъ многихъ св. отецъ житій, яко и сіи духоносніи св. отцы грамматики и прочихъ книгъ философскаго ученія люботрудне во ученье обращахуся и... отъ града во градъ пути шествія ученья ради творяху. Сяцевъ образъ любомудріе и намъ оставиша искати“. Грамматика опредѣлялась Смотрицкимъ какъ „извѣстное художество благо глаголати и писати учащее“; въ отдѣлѣ просодіи въ ней излагались правила „метромъ или мѣрою количества стихи слагати“.

Не трудно представить, какой интересъ должны были имѣть для даровитаго юноши, Ломоносова, упомянутыя книги. Мы, впрочемъ, не имѣемъ, къ сожалѣнію новыхъ какихъ либо данныхъ по этому предмету и пользуемся общеизвѣстными указаніями самого Михаила Васильевича и его біографовъ. „Мачеха“, говоритъ Ломоносовъ о послѣднихъ годахъ своей жизни въ семьѣ, „злая и завистливая, всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда попустому сижу за книгами: для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и голодъ, пока не ушелъ въ Спасскія школы“. „Съ тѣхъ поръ, какъ Ломоносовъ „приобрѣлъ вышеназванныя книги, онъ просиживалъ надъ ними цѣлые дни“, свидѣтельствуютъ, какъ первоначальные, такъ и послѣдующіе его біографы, „не разставался съ ними никогда, носилъ вездѣ съ собою и, непрестанно читая, вытвердилъ ихъ наизусть“ ⁶⁵).

Въ сохранившейся духовной росписи за 1728 г., въ то время, какъ „Василій Дороеевъ Ломоносовъ и жена его Ирина“ записаны исповѣдавшимися и причастившимися, „сынъ ихъ Михайло“ значителенъ неисполненнымъ этого долга „по нерадѣнію“ ⁶⁶): повидимому увлеченіе книгами доходило у Ломоносова до того, что онъ, прежде благочестиво настроенный, теперь забываетъ свои религіозныя обязанности. Впрочемъ, въ объясненіе указаннаго обстоятельства можно находить и другія причины: почти всѣ біографы Михаила Васильевича повторяютъ извѣстіе, что „12-ти лѣтъ“, „на тринадцатомъ году“, онъ „былъ увлеченъ въ расколъ, въ безпоповщину“, держался онаго два года (по Ламанскому — „неизвѣстно—долго ли“), но скоро позналъ, что заблуждаетъ“. Трудно представить себѣ, чтобы Ломоносовъ, только начавши учиться грамотѣ и притомъ у православнаго человѣка, былъ уже вовлеченъ въ расколъ; этому противорѣчитъ и то обстоятельство, что, обучившись грамотѣ „въ короткое время совершенно“, онъ „охочь былъ читать въ церкви псалмы и каноны и житія святыхъ и... когда какое житіе или слово прочитаетъ, послѣ пѣнія разсказывалъ сѣдящимъ въ трапезѣ старичкамъ сокращеннѣе“... Такимъ образомъ, обучившагося грамотѣ Ломоно-

⁶⁴) Ламанскій, *op. cit.*, стр. 41—42.

⁶⁵) Львовичъ-Кострица, *op. cit.*, стр. 10; Ламанскій. *op. cit.*, стр. 43.

⁶⁶) Въ Арханг. Епарх. ~~древнехранилищѣ.~~

сова мы видимъ читающимъ въ церкви и церковной трапезѣ, чего не могло бы быть, если бы онъ въ это время увлеченъ былъ въ расколъ, особенно, въ безпоповщинскій толкъ раскола, который рѣзительно чуждается церкви. Если, поэтому двухлѣтнее увлеченіе Ломоносова расколомъ—историческій фактъ, то его естественноѣ относить къ болѣе позднему времени, чѣмъ къ 12-лѣтнему возрасту Михаила Васильевича, и видѣть подтвержденіе этого въ упомянутой записи исповѣдной книги за 1728 г., когда Ломоносову шелъ 17-й годъ.

Возможно, наконецъ, объяснять вышеуказанное „нерадѣніе“ юноши—Ломоносова въ упомянутомъ году и вообще взаимнымъ отчужденіемъ, возникшимъ не только между взрослымъ и даровитымъ пасынкомъ и „злой и завистливой“ мачехой, но, по наговорамъ ея, и между думающимъ лишь объ учении и сидящимъ за книгами сыномъ и „воспитаннымъ въ крайнемъ невѣжествѣ“, но дѣятельнымъ отцомъ.

Нельзя сказать, чтобы обстоятельства, окружавшія дѣтство и отрочество Михаила Васильевича, условія его жизни въ семьѣ и воспитаніе были въ какомъ нибудь отношеніи необычны: не онъ одинъ, конечно, въ дѣтствѣ лишился матери и долженъ былъ—жить съ мачехой, не онъ одинъ съ отроческихъ лѣтъ началъ совершать дальнія поѣздки по Бѣлому морю и океану, не онъ одинъ видѣлъ разнообразныя картины и явленія сѣверной природы. Но при тѣхъ же самыхъ условіяхъ въ ихъ совокупности, необыкновенныя дарованія Ломоносова, счастливое сочетаніе въ немъ тихой вдумчивости матери и практической энергии отца, быстрое и легкое усвоеніе грамоты, усердное и внимательное чтеніе книгъ, расширившихъ его умственный кругозоръ и возбудившихъ жажду знанія, направили мысли, думы и стремленія Михаила Васильевича по необычному пути. Сначала онъ, вѣроятно, отмалчивался на упрёки и брань злой и завистливой мачехи, затѣмъ, видя недовольство и отца, уходилъ съ книгами изъ дому „въ уединенныя и пустынные мѣста, претерпѣвая здѣсь стужу и голодъ“ или къ тѣмъ роднымъ и знакомымъ, у которыхъ надѣялся встрѣтить себѣ отдыхъ, сочувствіе или получить разрѣшеніе занимавшихъ его вопросовъ. Изъ родственниковъ Михаилъ Васильевичъ чаще всего могъ посѣщать домъ старика Луки Ломоносова, гдѣ его не только никто не укорялъ, никто не выражалъ ему своего недовольствія, но гдѣ онъ могъ находить даже поощреніе своимъ стремленіямъ и приобретать новыя свѣдѣнія. Сыновей Луки Ломоносова въ это время уже не было въ живыхъ, а единственный внукъ его—Никита Ломоносовъ, выучившійся грамотѣ въ семьѣ дѣда, теперь служилъ, какъ мы уже говорили, въ Архангельской портовой таможенѣ и, стремясь видѣть и знать больше, ѣздилъ даже въ Петербургъ,—„парадизъ“ Преобразователя Россіи. Но что особенно важно, самъ Лука Леонтьевичъ, будучи современникомъ длиннаго ряда государственныхъ и мѣстныхъ событій, могъ рассказывать любознательному юношѣ Ломоносову о многомъ, имъ слышанномъ и видѣнномъ. Особенно интересны могли быть его рассказы по личнымъ воспоминаніямъ о томъ, какъ 28 іюля 1693 г., послѣ долгихъ ожиданій, „объявился отъ Курострова своими судами великій государь... на семи стругахъ, а великаго государя стругъ впереди всѣхъ шелъ“...; какъ, затѣмъ, государь былъ встрѣченъ на Холмогорахъ и „шествовалъ съ бояры и со всѣми чиновными людьми чрезъ городъ явнымъ царскимъ лицомъ въ коретѣ“⁶⁷⁾. Могъ Лука Леонтьевичъ рассказывать, какъ государь былъ въ Вавугѣ у Бажениныхъ, какъ просто обращался съ народомъ, какъ пла-

⁶⁷⁾ Двинск. лѣтоп., изд. А. Титова, 1889 г., стр. 63—64.

валь по Бѣлому морю и въ Соловецкій монастырь, какъ собственными руками заложилъ въ Соломбалѣ корабль, какъ едва не погибъ въ Унскихъ Рогахъ и мн. др.

И эти рассказы, видимо, велись Лукой Леонтьевичемъ съ такими добрыми чувствами къ первому царю, посѣтившему Двинской край и Бѣлое море, что не только глубоко запечатлѣлись въ душѣ юнаго слушателя, но, какъ нужно думать, и совершенно измѣнили его взглядъ на Преобразователя Россіи. Если въ качествѣ—раскольника, особенно—безпоповца, Ломоносовъ нѣкоторое время долженъ былъ ненавидѣть Петра I, считать его за антихриста, то затѣмъ, въ дальнѣйшей своей жизни, хотя мало занимался исторіей, не только не упускаетъ случая воспѣть его въ своихъ похвальныхъ одахъ, но пишетъ особое „Похвальное слово Петру Великому“, посвящаетъ ему героическую поэмѣ „Петръ Великій“, въ которой описываетъ плаваніе Преобразователя по Бѣлому морю, спасеніе отъ бури въ Унской губѣ, прибытіе въ Соловецкій монастырь и бесѣду съ настоятелемъ о расколѣ и т. п. вмѣсто прежней возможной ненависти, онъ обратился въ другую крайность и доводитъ свое восхваленіе Петра I до обоготворенія; „еще въ Ломоносовѣ—крестьянинѣ зародилась та пламенная любовь къ Петру Великому, говоритъ Ламанскій, которою онъ такъ отличался впоследствии и которая ему нерѣдко мѣшала глядѣть безпристрастно на его обожаемаго героя“.

Мысль передаваемого о Грандилевскимъ сказанія, что весьма близкимъ лицомъ—„воспитателемъ юности“ Михаила Васильевича былъ мѣстный дьячекъ, представляется намъ вполне приемлею, только дьячкомъ этимъ былъ не миѣнскій Сидоръ Панкратъевичъ Колчинъ, а Семенъ Никитичъ Сабельниковъ, какъ мы уже говорили. Самая любовь Ломоносова къ чтенію въ церкви псалмовъ, каноновъ, апостола, житія святыхъ ставила его въ ближайшія отношенія къ мѣстному церковному дьячку, съ дозволенія и указанія котораго Михаилъ Васильевичъ и могъ исполнять свое желаніе, а усердіе и искусство, обнаруживаемое добровольнымъ чтеніемъ, не могло не привлекать къ нему расположенія священнослужителей. Сабельниковъ былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ подъяческой и пѣвческой школы при холмогорскомъ архіерейскомъ домѣ, составлявшей предметъ особеннаго попеченія архіепископа Афанасія, ея учредителя⁶⁸⁾; онъ не только хорошо зналъ свое дѣло, каллиграфически писалъ, но и, какъ видно, былъ человѣкъ начитанный, умѣвшій письменно излагать свои мысли. Его рукой, по крайней мѣрѣ, написано въ 1725 г. обширное (около 10 страницъ) — воззваніе о пожертвованіяхъ на устройство каменнаго храма въ Куростровскомъ приходѣ, помѣщенное въ книгѣ для записи таковыхъ пожертвованій, гдѣ между прочимъ, говорится, что преосвященный архіепископъ (Варнава) „подъ то церковное зданіе благоволилъ мѣсто осмотрѣть и измѣрити и заложилъ церковь во имя Собора Пресв. Богородицы“⁶⁹⁾. Обращаетъ на себя вниманіе въ этой книгѣ то обстоятельство, что всѣ поступленія отъ Василія Дорошеевича Ломоносова записаны рукою Сабельникова: можно, повидимому, заключать, что между ними были дружественныя отношенія, а это обстоятельство, въ свою очередь, явилось бы подтвержденіемъ извѣстія о воспитательномъ вліяніи на развивавшагося Ломоносова такого ученаго по тому времени человѣка, какимъ былъ Сабельниковъ. Товарищъ Ломоносова по академіи наукъ—Штелинь, го-

⁶⁸⁾ Свѣдѣнія о ней *sint sui voluminis*.

⁶⁹⁾ Въ Арханг. городск. публ. музеѣ.

ворить, между прочимъ, — быть можетъ со словъ самого Михаила Васильевича, — что „священнослужитель, учившій Ломоносова грамотѣ (?), на вопросы его обыкновенно отвѣчалъ ему, что для пріобрѣтенія большаго знанія и учености требуется знать языкъ латинскій, а ему не видѣ можно научиться, какъ въ Москвѣ, Кіевѣ или Петербургѣ“... Такимъ „священнослужителемъ“ могъ быть и дьячекъ Сабельниковъ, какъ учившійся въ холмогорской архіерейской школѣ, гдѣ уже извѣстна была нѣсколько латинь, по крайней мѣрѣ извѣстенъ былъ латинскій алфавитъ и нѣкоторыя слова, вродѣ „miserere“, „Deus“⁷⁰⁾ и др., знаніе которыхъ очень занимало учениковъ, тѣмъ болѣе, что латинь считалась синонимомъ учености. Но кромѣ того слѣдуетъ принять во вниманіе еще слѣдующее обстоятельство. Въ 1723 г. при холмогорскомъ архіерейскомъ домѣ архіепископомъ Варнавою, западноруссомъ, воспитанникомъ Кіевской академіи и бывшимъ учителемъ Московской славянолатинской академіи, была учреждена славянолатинская школа, въ которую забирали священническихъ и причетническихъ дѣтей и обучали ихъ — букварю, грамматикѣ и, между прочимъ, хотя и не сразу, латинскому языку по учебнику Альвара; латинскій языкъ считался высшимъ предметомъ обученія и знанія; признакомъ учености; латинская рѣчь, латинскія фразы, бывшія обычными въ домѣ „учевѣйшаго“ архіепископа съ окружавшими кіевлянами, студентами Кіевской и Московской академіи — братьями самого архіепископа — Григоріемъ и Андреемъ, братьями Кольчицкими, Баранкіевичемъ, Кардашевскимъ, Храневичемъ и др., стали вноситься пріѣзжавшими изъ школы дѣтьми и въ дома священнослужителей. Пресвященнымъ Варнавою студентъ Кіевской академіи Алексѣй Баранкіевичъ былъ опредѣленъ священникомъ въ Нижнематигорскій приходъ, а студентъ Феодоръ Кардашевскій — въ Курейскій приходъ; по своему образовательному цензу, они, конечно, значительно отличались отъ другихъ своихъ собратій. Все это не могло ускользнуть отъ вниманія жаждавшаго научныхъ знаній Ломоносова. Какъ не принадлежавшій клиру, не знавшійся въ составлявшейся по наличію переписи священническихъ и причетническихъ дѣтей, онъ не былъ требованъ и не могъ быть принятъ въ Холмогорскую школу при архіерейскомъ домѣ; поэтому сообщеніе Муравьева, поддержанное П. Ефименкомъ⁷¹⁾, о томъ, что Ломоносовъ учился въ упомянутой школѣ является недостовернымъ. Это тѣмъ болѣе можно сказать, что, по свидѣтельству самого Михаила Васильевича, онъ, живя дома, вслѣдствіе наговоровъ мачехи, и неудовольствія отца долженъ „былъ читать и учиться, чему возможно было въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, пока не ушелъ въ Спасскія школы“ въ Москвѣ; очевидно, такимъ образомъ, что въ архіерейской школѣ, гдѣ было общежитіе, онъ не учился. Но — съ другой стороны — страстное стремленіе къ ученію и тяжелыя семейныя условія — постоянное злобствование и попреки мачехи за пустое, по ея мнѣнію, сидѣніе за книгами, вынуждавшіе Ломоносова уходить изъ дому, терпѣть холодъ и голодъ, должны были привести Михаила Васильевича къ мысли — оставить родной домъ, теперь сдѣлавшійся чужимъ, и идти учиться латини въ Москвѣ. Возможно, что такое рѣшеніе создавалось у Ломоносова постепенно. Уже въ 1728 г. онъ, какъ мы указывали, чувствовалъ отчужденіе отъ своихъ домашнихъ даже въ религіозныхъ чувствахъ и, видимо, занятъ былъ какой-то внутренней работой мысли; но прошло еще два года,

⁷⁰⁾ Расходныя книги Холмог. архіер. дома — въ арханг. епарх. древл.; Лѣт. двинск. изд. А. Титова, стр. 107, 108.

⁷¹⁾ Арханг. губ. Вѣд. 1869 г. № 5.

прежде чѣмъ онъ привелъ свой замыселъ въ исполненіе. Относительно времени ухода Михаила Васильевича въ Москву между біографами его существуетъ также разногласіе: одни, вѣроятно на основаніи сообщенія Штелина, что Ломоносовъ ушелъ въ Москву на семнадцатомъ году, относятъ это обстоятельство къ 1728 г.; это указаніе, господствовавшее въ старыхъ изданіяхъ біографіи Ломоносова, въ послѣднее время повторено въ „Исторіи русской литературы изд., подъ редакціей проф. А. Березина“ въ 1910 г.; о Грандильевскій также указываетъ на этотъ годъ. Другіе считаютъ временемъ ухода 1730 годъ; это указаніе, сдѣланное, впрочемъ, не совсѣмъ ясно, еще въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ академику Лепехину, вполне подтверждается историческими данными и должно быть признано единственно вѣрнымъ. Въ „Тетради порядной каменю, кирпича и дровъ Куростровской церкви церковнаго строителя Ивана Лопаткина“⁷²⁾, заведенной съ 1725 года, находятся двѣ собственноручныя росписки Михаила Ломоносова за подрядчиковъ каменнаго строенія—въ полученіи ими денегъ,—одна, сдѣланная 4 февраля 1726 г., а другая 30 января 1730 года. Первая изъ нихъ показываетъ, какъ устойчиво и грамматически правильно писалъ Ломоносовъ въ 15-лѣтнемъ возрастѣ, а вторая, написанная каллиграфически, свидѣтельствуетъ, что въ указанное въ ней время, т. е. 30 января 1730 г., Михаилъ Васильевичъ находился въ Куростровѣ. Уходъ его съ родины произошелъ не ранѣе 7-го декабря 1730 года: въ волостной книгѣ для записи поручителей въ платежѣ податей за отлучившихся имѣется слѣдующая запись: „1730 года, декабря 7 дня отпущенъ Михаилъ Васильевъ Ломоносовъ къ Москвѣ и къ морю до сентября мѣсяца предбудущаго 731 года, а порукою по немъ въ платежѣ подушныхъ денегъ Иванъ Баневъ расписался“.

Итакъ, въ сообщеніи Штелина, которое по излагаемымъ въ немъ подробностямъ не можетъ не обращать на себя вниманія и является лишь нѣсколько спутаннымъ, особенно въ хронологическомъ отношеніи, вѣроятнѣе всего видѣть указаніе на то, что у Ломоносова уже „на семнадцатомъ году“ явилась мысль объ уходѣ съ родины. А такъ какъ эту мысль онъ привелъ въ исполненіе будучи уже девятнадцати лѣтъ отъ роду, то отсюда можно заключить, какъ долго вынашивалъ онъ свое намѣреніе, какихъ, быть можетъ, тяжелыхъ думъ и сердечныхъ тугъ стоило ему привести его въ исполненіе. Правда, населеніе двинскаго края было довольно подвижно и издавна имѣло сообщеніе съ Москвой, при чемъ напр.: по духовной росписи 1728 г. въ Куростровскомъ приходѣ значатся четыре человѣка (Вас. Леонт. Пятухинъ, Яковъ Пятухинъ, Вас. Яковл. Пятухинъ и Тих. Ив. Шенинъ) „въ отлученіи на Москвѣ“, одинъ—въ С.-Петербургѣ и одинъ (Степ. Ѳед. Назаровъ) даже „за моремъ“, т. е. за границей; но это были люди торговые, самостоятельныя, денежныя, совершавшіе свои поѣздки открыто, для практическихъ цѣлей. Между тѣмъ, Ломоносовъ не имѣлъ своихъ денегъ и не только не надѣялся получить ихъ отъ отца, но долженъ былъ тщательно скрывать отъ него и самое намѣреніе оставить родной домъ, въ которомъ „все довольство“ было нажито „крававымъ потомъ“ отца, и Михаилъ Васильевичъ являлся единственнымъ его наследникомъ. Уже впоследствии, когда, Василий Дороеевичъ узналъ, гдѣ находится его сынъ, онъ неоднократно посылалъ къ нему убѣдительныя просьбы вернуться домой, указывая на то, что все нажитое имъ крававымъ потомъ для единственнаго сына „послѣ его смерти расхитить чужіе“.

⁷²⁾ Въ арханг. город. публ. музей.

Итакъ, несмотря на страстное желаніе и принятое рѣшеніе идти въ Москву искать науки, Ломоносовъ долженъ былъ твердо хранить свое намѣреніе въ теченіе быть можетъ двухъ лѣтъ; осторожно разспрашивалъ онъ иногда о Москвѣ людей, бывавшихъ тамъ; кромѣ Патухиныхъ, таковыми были еще близкіе знакомые Ломоносовыхъ—Бѣлобородовы и Рычковы ⁷³⁾. Съ 8 сентября 1730 г. Михайлу Ломоносову пошелъ 20-й годъ; время уходило, и надо было на что нибудь рѣшаться; многіе изъ сверстниковъ его вступили уже въ бракъ; „хорошіе тамошніе люди“ предлагали, по его собственному свидѣтельству, и за него „выдать своихъ дочерей“ ⁷⁴⁾, но не о томъ думалъ, не тѣмъ былъ занятъ, не къ тому стремился будущій ученый. Въ эти критическія минуты жизни Ломоносову пришла на помощь признанная имъ самимъ за собою „благородная упряжка“, та рѣшительность и отвага, которыя онъ выработалъ въ себѣ во время непрѣдной борьбы съ бурями водной стихіи въ морѣ и океанѣ и которыя впоследствии не разъ спасали его въ борьбѣ съ бурями житейскаго моря. По сообщеніямъ, даннымъ академику Лепехину, Михайлѣ Васильевичу, рѣшившись „искать счастья въ другихъ мѣстахъ, взявъ паспортъ не явнымъ образомъ, (но?) посредствомъ управляющаго тогда въ Холмогорахъ земскія дѣла Ивана Вас. Милюкова“. Кто былъ этотъ Милюковъ, почему къ нему обратился Ломоносовъ за паспортомъ и какъ онъ могъ выдать таковой „неявнымъ образомъ“—документальныхъ свѣдѣній не отыскалось. Что же касается Ивана Банева, который „рѣшился въ волостной книгѣ порукою по Ломоносовѣ въ платежѣ подушныхъ денегъ“, то онъ, повидимому, былъ близкій сосѣдъ и хорошій знакомый какъ отца Михаила Васильевича, такъ и дѣда его—Луки Ломоносова. Въ документѣ 1714 года сказано, что проданное Лукою и Васильемъ Ломоносовыми ихъ владѣнью—„пожня сѣнныхъ покосовъ на Микифорковѣ“ имѣла „съ нижняго конца“ границею „землю Баневыхъ“, а въ 1739 г. Иванъ Баневъ писалъ „по прошенію“ Василя Ломоносова продажную запись на пожню послѣдняго, находившуюся „въ Налѣ острову“. Милюковъ и Баневъ так. обр. официально освободили Ломоносова отъ общественныхъ обязанностей на цѣлый годъ и тѣмъ дали ему полную возможность располагать собою; трудно предполагать, чтобы они знали планы и намѣренія будущаго академика и сочувствовали имъ: вѣроятно—они склонились на просьбы молодого Ломоносова въ виду его тяжелаго семейнаго положенія и отпускали его—на зиму „къ Москвѣ“ и на лѣто—„къ морю“, куда онъ ѣздилъ и обычно съ отцомъ.

Получивъ отпускъ и, выпросивъ у сосѣда своего, Фомы Шубнаго китаечное полукафтанье и заимообразно три рубля денегъ, не сказавъ своимъ домашнимъ“, но, вѣроятно, простившись съ могилою матери, 19-лѣтній Ломоносовъ отправился въ далекій неизвѣстный путь...

⁷³⁾ Въ „Книгѣ, записной приходной... въ церковное каменной строеніе“ имѣются, записи, изъ которыхъ видно, что „вдова Федора Бѣлобородова была на обздѣ у Василя Ломоносова“, что „вдова Матрона Бѣлобородова завѣщала на церковное строеніе серебряный крестъ, который проданъ былъ на Москвѣ Василиемъ Рычковымъ“ что „Василій Рычковъ далъ присланныхъ черезъ него отъ Василя Ломоносова 5 руб.“ Фамилія Рычковыхъ была дов. распространенная въ Куростровѣ и въ Ровдогорахъ, было нѣсколько Ивановъ Рычковыхъ: послѣдствіемъ—въ 1740 и 1750-хъ годахъ былъ извѣстенъ топографъ Петръ Ил. Рычковъ, состоявшій въ перепискѣ съ Ломоносовымъ и благодарившій его за оказанныя ему милости. „Матеріалы для біографіи Л—ва“ Билярскаго, СПб. 1861 стр. 299.

⁷⁴⁾ Письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 10 мая 1753 г.

Оома Ивановичъ Шубный былъ, по всей вѣроятности, младшій братъ Аеанасія Ивановича Шубнаго, и поэтому находился, такъ же какъ и этотъ послѣдній, въ близкихъ, можетъ быть, родственныхъ отношеніяхъ съ фамиліей Ломоносовыхъ и былъ также человѣкъ состоятельный: въ 1727 г. онъ проходилъ должность мѣстнаго церковнаго старосты ⁷⁵⁾.

И Оома Ивановичъ, видимо, посочувствовалъ положенію Ломоносова или по крайней мѣрѣ—внялъ его просьбѣ, но, одолживъ ему заимобразно три рубля, надѣялся, очевидно, получить ихъ обратно отъ умнаго и честнаго юноши или по крайней мѣрѣ—отъ отца его, славившагося своими достатками.

Почти никто изъ біографовъ Ломоносова не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи привести любопытныя и заслуживающія во многомъ довѣрія подробности отправленія Ломоносова въ путь, излагаемая Штелинымъ. Изъ селенія его отправлялся въ Москву караванъ съ мерзлою рыбою. „Веячески скрывая свое намѣреніе, по-утру смотрѣлъ (Ломоносовъ), какъ будто изъ одного любопытства на выѣздъ сего каравана. Слѣдующею ночью, когда все въ домѣ отца его спали, надѣвъ двѣ рубашки и нагольный тулупъ, погнался за онымъ вслѣдъ (не позабылъ взять съ собою любезныхъ своихъ книгъ, составлявшихъ тогда всю его бібліотеку: грамматику и ариѣметику). На третій день настигъ его въ семидесяти уже верстахъ. Караванный приказчикъ не хотѣлъ прежде (?) взять его съ собою, но, убѣжденъ бывъ просьбою и слезами, чтобъ даль посмотрѣть ему Москвы, наконецъ согласился“...

Въ „Запискахъ о путешествіи академика Лепехина“ обстоятельства пути Ломоносова излагаются нѣсколько иначе: „дошелъ до Антоніево-Сійскаго монастыря, въ разстояніи отъ Холмогоръ по петербургскому тракту во стѣ (?) верстахъ, (Ломоносовъ) былъ въ ономъ нѣкоторое время: отправлялъ псаломническую должность; заложилъ тутъ взятое у Оомы Шубнаго полукафтаные мужику-емчанину“, т. е. изъ Емецкаго села, которое находится въ 17 верстахъ выше монастыря по московскому тракту, и „ушелъ оттолъ въ Москву“.

Намъ болѣе вѣроятнымъ представляется, что Ломоносовъ шель въ Москву не одинъ, а именно съ тѣмъ „рыбнымъ караваномъ“, о которомъ упоминается въ извѣстіи Штелина; равнымъ образомъ и исправленіе имъ нѣкоторое время псаломнической должности вѣрнѣе, кажется, понимать такъ, что Михаилъ Васильевичъ, во время не болѣе какъ однодневной остановки съ караваномъ въ Сійскомъ монастырѣ, по прежнему своему усердію и любви къ этому дѣлу, читалъ на клиросѣ „псалмы и каноны“. Очевидно также, что Ломоносовъ убѣдился въ недостаточности взятыхъ имъ на дорогу трехъ рублей и, чтобы пополнить эту сумму, долженъ былъ заложить и то „китаечное полукафтаные“, въ которомъ думалъ принарядиться въ Москвѣ.

И вотъ, будущій „отецъ русской науки и литературы“, геніальный и многосторонній русскій ученый, первый изъ русскихъ членъ С.-Петербургской, Стокгольмской и Болонской Академій Наукъ, извѣстный всему ученому міру, языковѣдъ, поэтъ, ораторъ, „профессоръ химіи“, метеорологъ, географъ, физикъ, историкъ, въ декабрѣ 1730 г., оставивъ родину, домъ отца, могилу матери и все, съ чѣмъ сжился въ теченіе 19 лѣтъ, въ треухѣ, нагольномъ тулупѣ и катаныхъ сапогахъ, съ двумя книжками подъ мышкой шествовалъ за рыбнымъ обозомъ въ Москву, чтобы постигнуть тамъ науку.

⁷⁵⁾ „Книга приходная“... и др. документы.

„Дома между тѣмъ“, повѣствуетъ далѣе Штелинь, „долго его (Ломоносова) искали и, не найдя нигдѣ, почитали пропадшимъ до возвращенія обоза по послѣднему зимнему пути; тогда уже узнали, гдѣ онъ и что онъ“. Василій Дороеевичъ былъ, конечно, очень удрученъ исчезновеніемъ своего единственнаго сына и, узнавъ, наконецъ, гдѣ онъ находится, посылалъ къ нему трогательныя просьбы о возвращеніи; писали объ этомъ Ломоносову, по его собственному свидѣтельству, и другіе—какъ съ вѣроятностью можно полагать—Баневъ и Шубные.

Оставивъ свою родину, Ломоносовъ никогда не забывалъ о ней: трудясь для науки за границей и въ Петербургѣ, онъ всегда былъ радъ видѣться съ своими земляками, бесѣдовалъ съ ними о родинѣ, оказывалъ возможную помощь и покровительство, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые, по его примѣру, стремились къ образованію и наукѣ; изъ числа таковыхъ, кромѣ Ѳедота Ив. Шубнаго, можно указать еще на Петра Ивановича Рычкова, топографа и металлурга Оренбургскаго и Астраханскаго края, Петра Іосиф. Дудина, обучавшагося съ 1758 г. „рисовальному художеству и наукамъ“, племянника Ломоносова Михаила Головина и др. ⁷⁶⁾.

I. Сибирцевъ.

---

⁷⁶⁾ Матеріалы для біографіи Л-ва Билярскаго, 1865 г., стр. 123, 349, 372, 299, 628; письмо Л-ва къ сестрѣ Маріи Васильевнѣ отъ 2 марта 1765 г.; Полевой. Ист. рус. слов., 1900 г. т. 1, стр. 606 и 610; Ламанскій, op. cit. стр. 56—57.